

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОКОЙНОМЪ АѦНАСІѦ,
АРХІЕПИСКОПЪ КАЗАНСКОМЪ.

Жизнь его въ Твери.

Въ Твери АѦанасій былъ ректоромъ семинаріи и членомъ Консисторіи; и ту и другую должность проходилъ онъ съ свойственною ему энергіей, ревностію и любовію. Первая обязанность ректора семинаріи—преподавать догматическое богословіе въ высшемъ классѣ семинаріи. АѦанасій исполнялъ эту обязанность свято и ненарушимо. Ни одного класса онъ не пропустилъ; являлся къ ученикамъ всегда въ свое время, говорилъ имъ просто, живо и увлекательно; овладѣвалъ вниманіемъ ихъ скоро и свободно, и умѣлъ поддержать это вниманіе до конца класса. Рѣчь его была живая бесѣда отца съ дѣтьми, поддерживаемая весьма частыми обращеніями отца съ вопросами въ дѣтямъ, и заставлявшая ихъ самихъ думать и говорить. Ко многимъ изъ учениковъ о. ректоръ обращался именно какъ нѣжный отецъ, называя ихъ по имени.— «Ну-ка ты, Алексій, скажи, какъ ты думаешь?» Но давая предметъ для думы и для разговора, онъ въ то же время всячески избѣгалъ споровъ схоластическихъ, основанныхъ на софистикѣ. Крѣпкій, твердый, логическій умъ его любилъ истину до увлеченія, но не любилъ хитростей и тон-

костей софистическихъ, особенно вредныхъ для развитія молодыхъ умовъ. Съ поменьшею внимательностію АѦанасій относился къ письменнымъ упражненіямъ учениковъ, — къ проповѣдямъ или разсужденіямъ. На проповѣди АѦанасій обращалъ особенное вниманіе, и хвалился нѣкоторыми своими воспитанниками. Таковъ былъ его любимецъ В. К. Нектарьевскій, въ послѣдствіи поступившій въ С.-Петербургскую Академію, и бывшій протоіереемъ, кажется, въ Кронштадтѣ. Его АѦанасій называлъ Златоустомъ; и проповѣди его заставлялъ слушать не только всѣхъ семинаристовъ, которые для этого собирались въ богословскую залу, но и всѣхъ наставниковъ. Проповѣди у о. ректора никогда не залеживались. Каждый проповѣдникъ наканунѣ дня, назначеннаго для произнесенія проповѣди, обязанъ былъ явиться къ о. ректору съ проповѣдію. Здѣсь самъ о. ректоръ слушалъ проповѣдь и судилъ, какъ составлена проповѣдь и какъ она произносится. Лучшихъ проповѣдниковъ посылалъ въ лучшія приходскія церкви для произнесенія проповѣдей.

Экзамены АѦанасій производилъ особеннымъ образомъ. Онъ не спрашивалъ cadaго ученика порознь и устно, а пришедши въ классъ предлагалъ первый вопросъ такой: кто на все? То-есть, кто готовъ отвѣчать на всѣ билеты, на которые раздѣленъ весь курсъ, или весь отдѣлъ пройденнаго? — Почти всѣ ученики вставали. Это значило, что всѣ могутъ отвѣчать на все. «Отлично хорошо, садитесь», отвѣчалъ ректоръ, и тотчасъ же давалъ тему для экспромта въ классѣ. Ученики принимались за умственную работу, и кто скорѣе напишетъ, тотъ сейчасъ же и выходитъ къ о. ректору читать свой экспромтъ и получаетъ вѣрную оцѣнку своему труду. — «Кто еще написалъ?» спрашиваетъ о. ректоръ: и кто написалъ, тотъ выходилъ и читалъ. Работа была быстрая, воодушевлявшая учениковъ. Особенно для первыхъ учени-

ковъ эта работа была щекотлива: нужно было предъ цѣлымъ классомъ доказать, при о. ректорѣ и профессорѣ, что ты не даромъ записанъ въ числѣ первыхъ,—нужно поддержать честь класса, честь профессора, честь свою. О. ректоръ умѣлъ возбуждать соревнованіе.

Если было два или три параллельныхъ отдѣленій, онъ, возбуждая ревность въ ученикахъ того отдѣленія, гдѣ шелъ экзаменъ, — начнетъ говорить: работайте, работайте скорѣе, не посрамите себя; вотъ въ томъ отдѣленіи отлично отвѣчали и писали экспромты; а я имъ отвѣчалъ: «хорошо — то хорошо, очень хорошо, а можетъ быть въ томъ отдѣленіи будетъ еще лучше. Я указывалъ на васъ; смотрите же.» И ученики рвались изо всѣхъ силъ. Не рѣдко о. ректоръ, обрадованный прекраснымъ экспромтомъ, тутъ же въ классѣ давалъ деньги тому ученику, который читалъ экспромтъ. «Отлично хорошо! Постой; на — тебѣ».. Ректоръ вынетъ изъ за пазухи портъ-монс и дастъ ему пять или десять рублей. «Это тебѣ на скюртукъ, или на жилетку, или на сапоги».

Въ то время, когда вызвавшіеся отвѣчать на все занимались въ классѣ экспромтомъ, о. ректоръ вызывалъ къ себѣ для устныхъ отвѣтовъ послѣдній десятокъ, или хвостъ класса. Не рѣдко изъ этого десятка вызывались отвѣчать на все, но вызывались не потому, чтобы они знали все, а для того, чтобы заявивши, что они могутъ отвѣчать на все, тѣмъ самымъ избавиться отъ отвѣта устнаго, и написать хоть плохонькой экспромтъ. Но такіе продѣлки не рѣдко оканчивались очень плохо для нихъ. О. ректоръ по голосу, по физиономіи, по всѣмъ пріемамъ такого хитреца сейчасъ замѣтитъ, что онъ обманываетъ начальство, вызоветъ его къ столу, и заставитъ взять билетъ, и уличитъ его во лжи и обманѣ. «О! Ты лжець! Иди па кухню!» На кухни обыкновенно ожидали виновнаго розги. А инымъ удавалось и обмануть о. ректора.

Слѣдовало только отвѣтить ему твердо и громко, что я знаю все, что угодно вамъ спросить; стоять прямо, смотрѣть бойко, не трусить и не канфузиться. «О, по глазамъ вижу, — скажетъ о. ректоръ, что ты молодецъ и знаешь все; хорошо, садись!» И садится спокойно за парту человѣкъ, который далеко не все знаетъ!

Помню я пріемные экзамены въ 1837 году: эти экзамены замѣчательны по той щедрости, которою отличался АѦанасій, и по той оригинальности, которая не рѣдко проявлялась у него. Экзамены производились въ концѣ августа и въ началѣ сентября. Ученики изъ всѣхъ училищъ, кромѣ Тверскаго, съѣхались въ Тверь со страхомъ и трепетомъ. Я говорю: «кромѣ Тверскаго», потому что ученики Тверскаго училища были экзаменованы предъ вакаціей и на публичномъ ихъ экзаменѣ былъ не только АѦанасій но и самъ Высокопреосвященный Григорій, въ послѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій. По окончаніи экзаменовъ Григорій утвердилъ и переводные списки; и потому Тверскіе ученики забрали себѣ въ голову, что имъ не слѣдуетъ являться на пріемные экзамены въ концѣ августа, хотя всѣ они съѣхались къ концу августа. Когда ученики другихъ училищъ отправятся въ классъ на экзаменъ, и тамъ потѣкутъ и дрожать, Тверскіе ученики съ полчаса посидятъ и потолкаются около семинаріи, и за тѣмъ преспокойно отправляются, кто въ свою квартиру, кто на Желтиковское поле смотрѣть, какъ учится кавалерійская дивизія, собранная въ Тверь. Такъ прошло нѣсколько дней экзаменовъ. Ректоръ АѦанасій первоначально и не обращалъ вниманія на то, что тверскіе не ходятъ на экзаменъ; и только всячески старался раззадорить учениковъ другихъ училищъ. Онъ обыкновенно вызывалъ сначала первыхъ учениковъ всѣхъ училищъ и заставлялъ ихъ или переводить съ Латинскаго на Русскій, или съ Русскаго на Латинскій, или

съ Греческаго на Русскій, или устно отвѣчать изъ пространнаго Катихизиса, изъ св. исторіи и проч., однимъ словомъ—изъ всякаго предмета спрашивалъ ихъ всѣхъ, и кто скорѣе и лучше отвѣтитъ, тотъ и молодецъ. За тѣмъ послѣ первыхъ вызывалъ вторыхъ учениковъ всѣхъ училищъ, и съ ними поступалъ точно также. Ученики изъ всѣхъ силъ старались превзойти другъ друга; отъ ихъ отвѣтовъ зависѣла честь не только ихъ самихъ, но и училищъ. А о. ректоръ подзадоривалъ. Нѣкоторые изъ учениковъ пріобрѣли себѣ уже авторитетъ. Такъ изъ старицкихъ учениковъ отличался первый ученикъ Левъ Рубцовъ, изъ Ржевскихъ Иванъ Филаретовъ. Льву Рубцеву было лѣтъ 18 отъ роду, и онъ смотрѣлъ уже довольно зрѣлымъ юношей.

— Отецъ ректоръ! Да что Тверскіе ученики не являются на экзамень? Вѣдь они шалютъ же около семинаріи, и бѣгаютъ Богъ знаетъ гдѣ... Сказалъ кто-то изъ профессоровъ Аванасію во время экзамена. Чѣмъ бѣгать, лучше бы они здѣсь были. Нужды нѣтъ, что списки ихъ утверждены...

— О! Хорошо! Кликнуть ихъ сей часъ же на экзамень. Я имъ задамъ бѣгать!.. сказалъ Аванасій.

Побѣжали кликнуть; но тверскіе ученики, какъ дождь разсыпались. «Никого нѣтъ, сказано было ректору». «Завтра чтобы всѣ явились до одного; а не явятся—не приму въ семинарію». Дошла эта грозная вѣсть до Тверскихъ учениковъ. Дрогнуло сердце ихъ; потому что они были вполне увѣрены, что послѣ экзаменовъ, которые производилъ имъ преосвященный Григорій, имъ никакихъ другихъ экзаменовъ быть не можетъ; и что послѣ утвержденія списковъ ихъ владыкою никто не посмѣетъ измѣнить этихъ списковъ. Въ этой увѣренности они во время вакаціи гуляли преспокойно дома, и въ книжки вовсе не заглядывали. А теперь нужно идти на экзамень... На слѣдующій день Тверскіе явились на экза-

меня. «Что такъ много нынѣча?» спросилъ о. ректоръ тотчасъ послѣ молитвы, обозрѣвая классъ. «Тверскіе пришли, Тверскіе пришли!» отвѣчали ученики другихъ училищъ, видимо подтрунивая надъ робостью Тверскихъ. «А! вотъ я ихъ проберу», сказалъ о. ректоръ.

Сѣвши на кресло, онъ вызвалъ по обычаю своему первыхъ учениковъ. Съ другими учениками вышелъ и Тверской. Это былъ А. Бухаревъ, маленькій, худенькій, желтенькій, мальчикъ лѣтъ 15-ти. Левъ Рубцевъ посмотрѣлъ на него съ презрительною улыбкою. О. ректоръ сталъ экзаменовать. Отвѣты Бухарева были лучше всѣхъ другихъ учениковъ. Что ни спроситъ о. ректоръ, Бухаревъ на все удовлетворительно и скоро отвѣтитъ, и даже покажетъ неудовлетворительность отвѣта другихъ учениковъ, съ нимъ вызванныхъ, въ случаѣ если кто изъ нихъ поспѣшитъ отвѣтить прѣжде него и отвѣтитъ за поспѣшностію неудачно. И самъ Рубцевъ долженъ былъ уступить первенство Бухареву. «О! Да ты отлично-хорошо отвѣчаешь!» Сказалъ о. ректоръ; я думалъ, что вы не ходите на экзаменъ потому, что ничего не знаете. Молодецъ! тебѣ не Бухаревъ фамилія, а Орловъ, Соколовъ! Отлично». Самъ о. ректоръ носилъ фамилію Соколова. Бухаревъ осмѣлился сказать ему, что Тверскіе явились на экзаменъ не готовившись; они думали, что ихъ экзаменовать не станутъ. «Ладно, ладно, я посмотрю. Ну-ка скажите мнѣ еще... Онъ задаетъ первымъ ученикамъ что нибудь персвести, или сказать локуцію какую. Бухаревъ опять лучше всѣхъ. «Превосходно», кричитъ о. ректоръ, вошедшій въ павосъ!—О. ректоръ вызвалъ вторыхъ учениковъ изъ всѣхъ училищъ, и въ числѣ ихъ втораго ученика тверскаго училища. Это былъ Евграфъ Ловягинъ, сынъ каеедрального протоіерея Ивана Яковлевича Ловягина, ректора тверскаго училища. Юноша лѣтъ 16-ти, чистенькой, хорошенькой собой, аккуратный во всемъ.

Ловягинъ отличался не столько бойкостью и быстротою соображеній, какъ Бухаревъ, сколько спокойнымъ, точнымъ, здравымъ отвѣтомъ. Изъ всѣхъ предметовъ онъ зналъ все отлично. Другіе ученики были то по одному, то по другому предмету слабѣе, у Ловягина не было этого. Онъ былъ равно хорошъ во всемъ. Оказалось, что изъ вторыхъ учениковъ Ловягинъ былъ лучше всѣхъ. Выслушавши отвѣты, о. ректоръ сказалъ: «Тверскіе отлично! Молодцы!»—Вызваны были третьи ученики всѣхъ училищъ. И здѣсь тверской третій ученикъ В. не посрамилъ себя.

Такъ прошелъ день. На слѣдующій день еще экзамены. О. ректоръ явился суровымъ въ классъ. Вызвавши первыхъ учениковъ, по обычаю, онъ обратившись къ Бухареву сказалъ: «вы меня обманули. Вчера вамъ случайно удалось отвѣтить; вотъ я васъ проберу!». Въ послѣдствіи оказалось, что о. ректоръ это шутилъ только. Начались экзамены. Тверскіе опять лучше всѣхъ, и особенно Бухаревъ. О. ректоръ не вытерпѣлъ. «Я нарочно сердитымъ пришелъ, чтобы васъ испугать; а вы ничего не боитесь; отлично хорошо! Спасибо! стой, сказалъ онъ Бухареву; на вотъ тебѣ на пряники». О. ректоръ вынулъ пятирублевую синенькую бумажку и далъ Бухареву; Льву Рубцеву досадно было. Видя, что Бухаревъ побиваетъ его на устныхъ отвѣтахъ, онъ говоритъ о. ректору: «отецъ ректоръ! позвольте вамъ написать что-нибудь на бумагѣ; дайте намъ какое нибудь предложеніе». «Развѣ ты можешь писать?»—«Могу». Надобно сказать, что въ старикомъ училищѣ учениковъ четвертаго класса приучали писать періоды и хриіи по тогдашнимъ реторикамъ. Левъ Рубцевъ, не могши одолѣть Бухарева въ устныхъ отвѣтахъ, хотѣлъ взять надъ нимъ верхъ на бумагѣ; такъ какъ преподаваніе правилъ реторики въ 4-мъ классѣ училища не было положено по уставу училищъ, и этихъ правилъ нигдѣ не преподавали кромѣ ста-

рицкаго и ржевскаго училищъ. Въ тверскомъ объ нихъ и не слышали. О. ректоръ далъ какую-то тему. «Пишите кто хочетъ и какъ умѣете, и кто скоро напишетъ, читайте мнѣ». Началась работа. Наморщились лбы, закрипѣли перья. О. ректоръ занялся между тѣмъ экзаменами низшихъ учениковъ. Прежде всѣхъ написалъ на заданную тему Левъ Рубцевъ. Онъ вышелъ на средину и прочиталъ написанное. «Очень хорошо! Весьма хорошо! Благодарю! сказалъ ему о. ректоръ. Постой, на—тебѣ!»—Онъ далъ Рубцеву пятирублевую ассигнацію. Рубцевъ былъ въ восторгѣ; за Рубцевымъ вышелъ Филаретовъ, и прочиталъ свое сочиненіе. Онъ былъ изъ ржевскихъ учениковъ; а тамъ тоже преподавали правила реторики. «Хорошо, хорошо! сказалъ ректоръ; очень хорошо! На и тебѣ». И тому далъ пять рублей. Выходить Бухаревъ. Вниманіе всѣхъ обратилось на него. Онъ прочиталъ то, что написалъ. О. ректоръ вскочилъ съ кресель. «Отлично хорошо! Превосходно! Лучше всѣхъ. Весьма благодарю! Поди ко мнѣ! На тебѣ десять рублей. Отлично хорошо! Лучше всѣхъ». За тѣмъ читали нѣкоторые изъ первыхъ учениковъ другихъ училищъ, а иные совсѣмъ не выходили. Послѣ первыхъ учениковъ читали вторые ученики; и изъ нихъ Ловягинъ оказался лучше всѣхъ. Потомъ третьи,—и опять тверскій былъ лучше другихъ. Рубцевъ подходитъ опять къ о. ректору и говорить: позвольте еще написать «Изволь! Ниши! Кто хочетъ, пишите всѣ». Ректоръ далъ тему. Опять наморщились лбы и закрипѣли перья; и опять у Бухарева была задачка лучше всѣхъ. «Позвольте намъ на дому подумать», сказалъ Рубцевъ, не желая потерять первенство свое. Была суббота, когда производился экзаменъ, и часъ уже третій послѣ полудни; такъ что уже дальше сидѣть въ классѣ о. ректоръ не хотѣлъ. «Изволь! Пишите». О. ректоръ далъ тему: Іудеи говорятъ, что Господа ученики украли: докажите, что Онъ вос-

крестъ. Къ понедѣльнику задачи были готовы; лучше другихъ оказалась задачка у Бухарева, такъ что о. ректоръ пригласилъ послушать ее всѣхъ наставниковъ,—за тѣмъ у Рубцева и нѣкоторыхъ другихъ. Но нашлись и такіе изъ учениковъ, которые по знакомству или по родству упростили семинаристовъ вышшаго отдѣленія написать имъ задачу. Впрочемъ вскорѣ о. ректоръ открылъ обманъ и виновные были наказаны.

Наставники, слушавшіе задачку Бухарева и другихъ учениковъ училища, дивились тому, какъ можно не учившись правиламъ реторики писать складно и резонно, и выражали сомнѣніе, что Бухаревъ и другіе ученики списывали съ чужихъ тетрадокъ и не сами дѣлали задачи. О. ректоръ первоначально горячо отстаивалъ мальчиковъ; ему, видимо, не хотѣлось разочаровываться въ ихъ способностяхъ, но потомъ поколебался; особенно когда одинъ изъ наставниковъ, Иванъ Григорьевичъ Рубцевъ, сильно и настоятельно увѣрялъ его, что нѣтъ никакой возможности въ одни сутки, не учившись правиламъ составленія сочиненій, написать цѣлый листъ, какъ у Бухарева. Я даю голову на отсѣченіе, что не сами писали, говорилъ Рубцевъ. Бухаревъ и другіе увѣряли, что сами писали; но Рубцевъ былъ непреклоненъ. «Вѣдь вотъ поймали же вы, отецъ ректоръ, обманщика, которому богословы написали задачку. И тутъ обманъ и надувательство». «Да мы готовы въ классъ при васъ сейчасъ писать»,—говорили Бухаревъ и другіе ученики «И слышать не хочу»,—твердилъ Рубцевъ.

Классъ кончился; о. ректоръ, наставники и ученики разошлись по домамъ. У Аванасія видимо на душѣ лежало сомнѣніе, зароненное рѣчами профессора Рубцева. Часовъ въ 7 вечера вдругъ является на квартиру къ Бухареву и къ В. вѣстовой отъ ректора съ требованіемъ, чтобъ они принесли свои черновыя тетрадки, на которыхъ писали задачи, и сами

тотчасъ явились къ ректору. Очевидно, что вліяніе профессора Рубцева взяло верхъ надъ убѣжденіями о. ректора. Замерло сердце у бѣдныхъ мальчиковъ. Схвативши свои черновыя тетрадки, и собравшись наскоро, они отправились къ о. ректору. Въ квартирѣ о. ректора собралось нѣсколько наставниковъ, въ томъ числѣ и Рубцевъ Иванъ Григорьевичъ. Когда мальчики явились къ о. ректору, онъ увидѣвши ихъ сказалъ: «а! полите сюда! Докажите вотъ этому Ѳомѣ невѣрному, что вы сами писали задачки». О. ректоръ указалъ на Ивана Григорьевича Рубцева. «Да какъ хотите, о. ректоръ, сказалъ Рубцевъ, я ни за что не повѣрю, чтобъ они сами писали. Покажите ваши черняки,» — сказалъ онъ быстро Бухареву. Бухаревъ писалъ вообще не слишкомъ хорошо и разборчиво, особенно когда спѣшилъ. Онъ иногда не дописывалъ окончанія словъ, не доканчивалъ цѣлой мысли, если она очевидна по ходу рѣчи. Иванъ Григорьевичъ тотчасъ это увидѣлъ, и съ торжествомъ обращаясь къ ректору, говорилъ: «вотъ, вотъ посмотрите, о. ректоръ, очевидно, что списано. Какъ былъ подъ руками чужой чернякъ, такъ съ него и списано». Бухаревъ до слезъ увѣрялъ, что онъ самъ писалъ задачку, что недописки произошли отъ поспѣшности, что эти самыя недописки могутъ всякаго убѣдить въ томъ, что я самъ писалъ, — говорилъ Бухаревъ, а не другой кто, или не съ чужаго черняка списывалъ. Иначе недописанное слово неправильно могло быть написано; недописанная мысль не хорошо вязалась бы съ другими мыслями. Рубцевъ слышать ничего не хотѣлъ. «Да помилуйте, о. ректоръ, я шесть лѣтъ учился въ семинаріи, четыре года въ Академіи, пятнадцать лѣтъ профессоромъ и священникомъ: а велите мнѣ написать къ завтраму то, что тутъ написано, — воля ваша, я не могу; я отказываюсь. Этого быть не можетъ, чтобъ они сами писали». Ректоръ молчалъ. Другіе наставники пересматривали

черняки, и кто соглашался съ Иваномъ Григорьевичемъ, а кто поддерживалъ Бухарева и его товарища, поддерживалъ изъ состраданія къ ихъ невыносимо-жалкому положенію, къ ихъ испуганному виду и слезамъ. «Ну чтожь вы ничего не говорите? спросилъ Аванасій Бухарева и его товарища. — Чѣмъ же вы еще докажете, что вы сами писали?» — «Да позвольте, о. ректоръ, намъ здѣсь при васъ написать», сказалъ Бухаревъ, обрадовавшись самъ своей счастливой мысли. «Изволь, хорошо». «А! вотъ съ этимъ и я согласенъ», сказалъ Иванъ Григорьичъ. Вотъ напишете при моихъ глазахъ такъ же, какъ это написано, ну тогда я повѣрю». Прочіе наставники всѣ согласились на это. О. ректоръ далъ предложеніе или тему для задачи. «Да чтобъ они не стакнулись», говорилъ Иванъ Григорьичъ, — вы дайте, о. ректоръ, разныя предложенія, и посадите ихъ въ разныхъ комнатахъ». Мальчикамъ дали разныя предложенія и посадили въ разныхъ комнатахъ. Иванъ Григорьичъ то и дѣло подходилъ то къ одному, то къ другому, осматривая со всѣхъ сторонъ, не списываютъ ли они откуда, хотя списать рѣшительно не откуда было. Отцу ректору съ наставниками подали чаю. «Дай и имъ по чашкѣ», сказалъ онъ, указывая на мальчиковъ; но имъ было не до чаю. Черезъ нѣсколько времени Бухаревъ вышелъ къ о. ректору, чтобы прочитатъ написанное. Вниманіе всѣхъ съ жадностію обращено было на него. Онъ кончилъ чтеніе, о. ректоръ не вытерпѣлъ, — онъ вскочилъ съ дивана, подбѣжалъ къ Бухареву, обнялъ и поцаловалъ его. «Другъ ты мой, сказалъ онъ ему, выручилъ ты меня, утѣшилъ! Отлично хорошо! Что Иванъ Григорьичъ?».. «Очень хорошо, прекрасно», говорили другіе наставники, подлаживаясь подъ тонъ ректора. Иванъ Григорьичъ пожалъ плечами. «Позвольте, о. ректоръ, еще дать ему предложеніе! Не постигаю!».. «Изволь, изволь, пиши, говорилъ Аванасій, входя въ свой паеосъ. Пиши, мо-

лодецъ, пиши!» Бухареву дали другое предложеніе. Онъ и на это написалъ очень скоро и хорошо, и прочиталъ предъ ректоромъ и наставниками. И товарищъ его, В., тоже написалъ на данное ему предложеніе очень хорошо. Когда прочитали они задачи свои предъ ректоромъ, ректоръ не зналъ, какъ выразить свой восторгъ. «Молодцы! Прекрасно! Отлично хорошо! кричалъ онъ на всю комнату. Пойдите, вотъ вамъ на пряники». Онъ вынулъ кошелекъ и далъ еще денегъ Бухареву и его товарищу.

Нельзя было смотрѣть на этихъ мальчиковъ безъ умиленія. Точно они одержали побѣду знаменитую. Они готовы были плакать отъ радости. Иванъ Григорьичъ ихъ обнималъ и цѣловалъ; прочіе наставники ласкали всячески. «Чаю, чаю давай имъ, Илья». Это былъ любимый служитель АѦанасія. Когда Иванъ Григорьичъ ласкалъ мальчиковъ, ректоръ говорилъ имъ: «нѣтъ, вы, ребята, вотъ что скажите ему: за чтожъ вы на васъ такъ нападали? Что мы вамъ сдѣлали, что вы сочли насъ плутами? За что вы насъ такъ мучили? Да и отца-то ректора чуть съ толку не сбили!» Но ребятамъ было не до попрековъ; они не чувствовали земли подъ собою; чай не пили. Имъ поскорѣе хотѣлось выбѣжать на свѣжій воздухъ, и подышать посвободнѣе. «Ступайте, братцы, домой, сказалъ Иванъ Григорьичъ. Отпустите ихъ о. ректоръ». «Хорошо! Только пойдите: кто васъ училъ писать?» спросилъ онъ у мальчиковъ. «Насъ никто не училъ». «Нѣтъ, кто у васъ смотритель или ректоръ?» Иванъ Яковлевичъ Ловягинъ. «А! вы изъ тверскаго училища. Идите же вы завтра къ нему и скажите, что о. ректоръ семинаріи прислалъ васъ поблагодарить его за то, что онъ доставилъ въ семинарію такихъ учениковъ. И покажите ему то, что вы здѣсь писали. Да смотрите жъ, сходите, непременно сходите; я завтра спрошу его».

Мальчики ушли; сходили къ Ивану Яковлевичу, сказали ему, что приказаль о. ректоръ, и успокоились. Аѳанасій самъ лично благодарилъ Ивана Яковлевича; собралъ всѣ тетрадки всѣхъ мальчиковъ, какія они писали во время экзаменовъ, и въ восторгѣ поѣхалъ по окончаніи экзаменовъ къ преосвященному Григорію, который былъ тогда архіепископомъ тверскимъ. Онъ думалъ, что и Григорій раздѣлитъ съ нимъ его восторгъ. Преосвященный Григорій отчасти слышалъ, что дѣлалъ о. ректоръ на экзаменахъ, и по своему строгому образу мыслей, не могъ понять, какъ можно увлекаться такъ. Когда о. ректоръ явился къ нему и разсказалъ обо всемъ, Григорій сказалъ: «какъ ты нелѣпо поступилъ! Развѣ для этого назначены экзамены? Хваленыхъ ты можешь испортить; а другихъ совѣмъ почти не экзаменовалъ. Нелѣпо!»

Мы не станемъ кассировать суда, произнесеннаго преосвященнымъ Григоріемъ. Люди разныхъ характеровъ и темпераментовъ, они иначе и не могли смотрѣть на дѣло, какъ съ двухъ разныхъ точекъ. Аѳанасій способенъ былъ увлекаться; онъ и увлекся. Григорій былъ логично-последователенъ; онъ такъ и судилъ объ увлеченіи Аѳанасія. Впрочемъ къ оправданію Аѳанасія должно сказать то, что всѣ тѣ ученики, которыми онъ такъ любовался при пріемѣ въ семинарію, вышли въпослѣдствіи первыми учениками семинаріи, и поступили въ разныя духовныя академіи.

На публичныхъ экзаменахъ о. ректоръ Аѳанасій любилъ раздавать книги лучшимъ изъ учениковъ; и раздавалъ книги очень хорошія и въ большомъ количествѣ, особенно богословамъ. Какъ теперь помню: Аѳанасій Петровичъ Тихвинскій разъ несъ послѣ публичнаго экзамена столько книгъ, что едва могъ держать ихъ подъ мышкою, несмотря на то, что онъ былъ мушкетеръ видный и сильный. Книги раздавалъ Аѳанасій свои собственныя.

Таковъ АѦанасій былъ въ семинаріи.

По окончаніи классовъ утреннихъ, т.-е. ровно въ 12 часовъ, АѦанасій каждый день отправлялся въ Консисторію для занятія дѣлами епархіальнаго управленія. И въ Консисторіи, какъ и въ семинаріи, онъ работалъ, какъ волъ, безъ усталы. Каждое дѣло перечытаетъ, каждое слѣдствіе самъ повѣрять. Не читая не подпишетъ ни одной бумаги. Чего не могъ въ Консисторіи прочесть, беретъ на домъ, и тамъ все повѣрять и просмотреть. Есть цѣлыя протоколы, писанныя вчернъ его собственною рукою. Отличительною чертою его дѣятельности консисторской была — правда и безкорыстіе. Какъ только дѣло несправедно, его никто не упротить и не умольт: онъ выведетъ неправду наружу и представить во всей наготѣ. Безкорыстіе его всѣ знали; и никто не смѣлъ сунуться къ нему не только съ деньгами, но и съ какими бы то ни было подарками. «Пошелъ вонъ! скажетъ ректоръ и выпроводить вонъ того, кто принесъ подарки».

Разъ былъ случай. АѦанасій помогъ въ какомъ-то дѣлѣ прихожанамъ богатаго села Кимры. Когда дѣло было кончено, и кимряки узнали, что оно по преимуществу обязано было счастливымъ ходомъ своимъ АѦанасію, вздумали поблагодарить его. На ихъ счастье рыбаки ихъ, — такъ какъ село ихъ стоитъ на берегу Волги, поймали большаго осетра: это — рѣдкость въ Твери. Кимряки купили этого осетра и живаго, въ большой лоханкѣ, принесли къ АѦанасію, прося принять его. АѦанасій, по обычаю, гналъ ихъ и съ осетромъ. Тѣ не хотѣли выдти отъ него, молили и просили его принять ихъ даръ. «Дѣло ужъ рѣшено, и мы отъ васъ ничего не просимъ, и не хотимъ; а только пришли поблагодарить за сдѣланное вами добро». АѦанасій отговаривался. «Ваше высокопреподобіе,

какъ вамъ угодно, а мы оставимъ лоханку, и уйдемъ». Они такъ и сдѣлали. Ну, поставь его куда нибудь, сказалъ Аѳанасій, указывая на осетра. А самъ поѣхалъ въ Консисторію. Въ Консисторіи кто-то изъ членовъ тутъ и скажи Аѳанасію: «чтожъ, отецъ ректоръ, позовите насъ на уху-то». «На какую уху?» «А осетра-то вамъ свѣжаго принесли.» Взорвало Аѳанасія. Сію жь минуту онъ отправился домой. «Илья! Илья! закричалъ онъ что есть мочи, такъ что Илья его перепугался. Зови сейчасъ нищихъ, всѣхъ зови». «Да гдѣ ихъ найдешь теперь», сказалъ флегматически Илья, отличавшійся именно своимъ флегматическимъ характеромъ и недалекимъ умомъ. «Зови сейчасъ! Пошолъ!» — «Что больно загорѣлось?» — «Говорятъ иди». Аѳанасій ходилъ точно левъ ужаленный, или раненный. Гнѣвъ и досада проглядывали въ его словахъ. Илья что-то копался и ворчалъ въ своей комнатѣ. «Пошолъ!» сказалъ Аѳанасій, и стукнулъ своей тростью. Онъ не снималъ ни верхней ряски своей, ни выпускалъ трости изъ рукъ. Илья понялъ, что надо идти. «Куда жъ я пойду?» — «Куда хочешь, только приведи нищихъ». — «Да на что тебѣ они, вѣдь утромъ подавалъ». Аѳанасій имѣлъ обычай подавать милостыню утромъ. «Говорятъ иди». Илья ушелъ, и чрезъ полчаса привелъ человѣкъ пятнадцать нищихъ, разнаго сорта и рода. Тутъ были и солдаты отставные, и женщины, и дѣти, и мужики калѣки. «Подите сюда», сказалъ ректоръ, все еще не раздѣвавшись. Тѣ подошли. «Илья! Гдѣ рыба-то?» — «Какая?» — «А вотъ давеча-то припесли. Подай сюда». Илья съ другими служителями втащилъ лоханку съ осетромъ. «Ну... берите ее себѣ», сказалъ Аѳанасій, указывая нищимъ на рыбу. Тѣ бросились съ азартомъ, схватили лоханку и потащили вонъ. Ну слава Богу, сказалъ Аѳанасій, и отправился опять въ Консисторію.

Нищіе между тѣмъ подняли драку изъ-за осетра; ихъ взя-

ли и съ осетромъ въ полицію; въ полиціи прежде всего занялись осетромъ; его отправили частію къ полиціймейстеру, частію къ частнымъ, а нищихъ заставили мечь улицы. Въ Консисторіи АѦанасій сидѣлъ молча. Всѣ видѣли, что его уколола рѣчь объ ухѣ, и теперь не смѣли слово ему сказать. При выходѣ изъ Консисторіи АѦанасій сказалъ членамъ: позвалъ бы васъ на уху, да нищіе ее съѣли. Онъ и не зналъ, что и нищіе ухи не ѣли, а ѣли чины полиціи.

Въ Твери АѦанасій былъ особенно друженъ съ протоіереемъ Алексѣемъ Петровичемъ Воиновымъ и его семействомъ. У Воинова сгорѣлъ домъ, единственная собственность, обезпечивавшая его и семью его. АѦанасій былъ уже въ Петербургѣ. Узнавши объ этомъ горѣ друга своего, онъ писалъ ему письмо въ утѣшеніе, и потомъ прислалъ цѣлый ящичекъ, въ которомъ обыкновенно продаютъ казанское мыло, наполненный золотыми. Внизу самаго ящика на внутренней доскѣ дна онъ написалъ своею рукою: *«вмѣсто бѣленькихъ четочекъ»*. Въ этомъ ящикѣ были посланы къ нему бѣленькія четки отъ семейства Воинова.

Протоіерей В. Владиславлевъ.

С В Ъ Д Ъ Н І Я

О ЖИЗНИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ ПОКОЙНАГО АѦАНАСІЯ,

АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО.

Преосвященный АѦанасій, бывши еще ректоромъ тверской семинаріи ^(а), чрезвычайно полюбилъ бывшего протоіерея тверской Владимірской церкви, магистра Алексѣя Петровича и его семейство. Любовь эта была чистая, нелицемѣрная, пламенная, — такая, къ какой способна была пылкая душа АѦанасія. Эта любовь влекла его въ домъ Алексѣя Петровича, гдѣ онъ находилъ всегда искреннее и нелицемѣрное радушіе и простосердечную готовность угостить дорогаго гостя, чѣмъ Богъ послалъ. АѦанасію это-то особенно и нравилось. «Помните ли, писалъ АѦанасій изъ Петербурга къ Алексѣю Петровичу, — помните ли, какъ я однажды у васъ по вечеру какъ-то пилъ не ѣвши, и закусывалъ не пивши, — пилъ волжскую холодную воду, и закусывалъ соленнымъ огурцомъ; — помните ли, какъ вы, Ал. Петровичъ, тогда шутя говорили: «вотъ у насъ какое угощеніе для дорогихъ гостей! Да нѣтъ ли чего получше?» Помните ли, какъ Татьяна Алѣксѣевна ^(б) отвѣчала вамъ и говорила простодушно: «да гдѣ же мнѣ взять? Вѣдь не всегда у насъ такъ, какъ въ праздники; есть каша съ масломъ, не уго-

(а) Воспоминанія о жизни его въ Твери см. въ іюльской книжкѣ Душ. Чт. 1868 года.

(б) Супруга протоіерея Воинова.

дноли?»—Какъ все это мнѣ пріятно теперь вспоминать? И мало ли есть словъ и выраженій, которыя мнѣ теперь такъ и чудятся, и которыя всегда желалъ бы слышать, не исключая ни единого. Попилъ бы теперь этой воды, поѣлъ бы этой каши съ масломъ; послушалъ бы вашей бесѣды нелицемѣрной». Когда перевели АѦанасія изъ ректоровъ тверской семинаріи въ С.-Петербургъ въ ректоры С.-Петербургской семинаріи,—тогда эта любовь къ протоіерею Воинову и его семейству усилилась еще болѣе, возбуждаемая разлукою. «Время разлуки,—писалъ АѦанасій, какъ дважды два должно доказать вамъ, что уже извѣстное вамъ мое расположеніе къ вамъ отъ времени не слабѣетъ и не умалется, но еще болѣе и болѣе крѣпнетъ и увеличивается безпрестанно. Я окаменѣлъ, я окостенѣлъ въ преданности и любви къ вамъ». Эта-то любовь завязала переписку между друзьями; и въ этой перепискѣ высказалась вся чистая, пламенная, порывистая и всегда благородная душа АѦанасія. У меня подъ руками цѣлый томъ писемъ его изъ Петербурга. Изъ этихъ писемъ я постараюсь выбрать то, что относится до святителя.

Вотъ какія чувства питалъ АѦанасій къ покойному своему родителю, чтецу Григорію: «4-е ноябрю есть день рожденія незабвеннѣйшаго и приснопамятнѣйшаго для меня изъ людей, день рожденія моего родителя для безсмертной жизни ^(в), бывшаго въ 1827 году, ровно то-есть за 10 лѣтъ предъ симъ ^(г). Да, никакъ нельзя мнѣ забыть 4-е ноября... «Послушайте! Не будете ли вы сегодня служить Божественную литургію и приносить безкровную жертву тѣла и крови Христовой за грѣхи всѣхъ людей, и живыхъ и мертвыхъ? Если будете, то прошу васъ вспомнить при семъ и моего покой-

(в) т. е. день кончины.

(г) Писано 4 ноябр. 1837.

наго родителя, раба Божія, чтеца *Григорія*, а также по христіанской любви, и меня, многогрѣшное чадо его, предъ вами ходатайствующее за него. За то всесвятая и живоначальная *Троица*, предстательствомъ честныхъ *Небесныхъ Силъ*, силою честнаго и животворящаго *Креста Господня*, молитвами празднуемыхъ сегодня святою церковію святыхъ преподобнаго отца нашего *Іоанникія Великаго*, и мучениковъ *Никандра* епископа мурскаго и *Ермея* пресвитера, а также и преподобнаго отца нашего Макарія, игумена Колязинскаго чудотворца ^(а), да помилуетъ и да спасетъ васъ самихъ и всѣхъ вашихъ, всѣхъ до одного, не исключая никого, яко благая и человеколюбивая».

Въ началѣ 1838 года Аѳанасій вызванъ былъ въ Петербургъ для проповѣданія слова Божія, и ему назначено было 9 проповѣдей. Первую проповѣдь говорилъ онъ 3-го февраля, и она надѣлала ему много тревоги; ее потребовалъ къ себѣ Филаретъ митрополитъ Московскій. За тѣмъ вскорѣ, именно 17-го марта состоялось опредѣленіе Св. Синода о перемѣщеніи Аѳанасія изъ ректоровъ Тверской семинаріи въ ректоры С.-Петербургской семинаріи на мѣсто Макарія (Зимины), котораго перевели въ Тверь. Вотъ какъ объ этомъ Аѳанасій писалъ къ Алексію Петровичу:

«День вашего ангела неожиданно сдѣлался для меня днемъ роковымъ; вчера (т. е. 18 марта) получено уже въ академическомъ правленіи и предписаніе о перемѣщеніи меня многогрѣшнаго грѣшника на мѣсто о. ректора Макарія въ С.-петербургскую семинарію, а о. ректора Макарія на мое мѣсто въ Тверь. Вотъ что иногда бываетъ съ нами! Друзе мой, друже! Итакъ я теперь долженъ проститься съ вами, —

(а) Святитель Аѳанасій, бывши ректоромъ Тверской семинаріи, былъ настоятелемъ Колязинскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи преподобнаго Макарія.

проститься, можетъ быть, уже не на годъ! Еще съ самаго приѣзда хотѣли было перемѣстить меня въ С.-Петербургъ на мѣсто о. Макарія; но я не такъ-то тогда предполагалъ это сбыточнымъ, потому что до сего времени не подалъ еще конспекта. Послѣ того еще болѣе почиталъ несбыточнымъ, потому что за неподачу конспекта досталось-таки мнѣ на свою долю отъ Московскаго первосвятителя. А потомъ я еще болѣе почиталъ это несбыточнымъ, когда Московскій же первосвятитель вовсе нечаянно 9-го февраля потребовалъ меня къ себѣ, и удостовѣрившись отъ меня, что я 3-го февраля говорилъ первую проповѣдь, приказалъ мнѣ прислать ее къ себѣ на другой день. Проповѣдь вся мною перекрещена, и перемарана и перечищена послѣ произнесенія. Я просилъ было позволенія переписать ее; не тутъ-то было. Мнѣ на мою объ этомъ просьбу отвѣтствовано было: «вотъ этого-то и не нужно.» Вотъ тебѣ, думалъ я, и чай (ибо пилъ чай). Дѣлать нечего; пріѣхалъ домой; вертѣлъ, вертѣлъ проповѣдь въ рукахъ своихъ цѣлую ночь, думая, нельзя ли чего сдѣлать съ нею, т. е. хоть какъ нибудь попринарядить ее; но не тутъ-то было; ни убавить, ни прибавить; а проповѣдь-то три листа, какихъ въ Петербургѣ не водится. Дѣлать нечего; положилъ ее 10-го февраля въ пакетъ, запечаталъ и послалъ съ Иваномъ, повторяя самъ въ себѣ неоднократно: *буди воля Господня!* Авось опять хоть за проповѣдь-то не отпустятъ ли въ Тверь, въ которой я такъ не мало жилъ.—Что, Иванъ, отнесъ ли? — «Отнесъ.» — Кому отдалъ? — «Да тутъ у него такой?..» — Не сказано ничего? — «Велѣно вамъ кланяться.»—Такъ у меня сердце и обмерло. — И до сихъ поръ еще не знаю, что сдѣлалось съ моею проповѣдью; боюсь и на глаза показаться: но надобно теперь показаться по случаю перемѣщенія моего. *Буди воля Господня!*»

Этотъ простосердечный рассказъ, обнаруживая младенчес-

кую чистоту души Аѳанасія, въ тоже время показываетъ, какое неизмѣрно-огромное вліяніе на проповѣдниковъ, вызываемыхъ въ С.-Петербургъ, имѣлъ первосвятитель Московскій, и какъ внимательно слѣдилъ онъ за проповѣданіемъ слова Божія!

Аѳанасій ѣздилъ, по случаю своего перемѣщенія, къ первосвятителю Московскому; тотъ спросилъ его, какъ онъ понимаетъ это перемѣщеніе. «Я на это сказалъ ему,—пишетъ Аѳанасій, что никакъ не понимаю, а просто только какъ волю Божию принимаю. Владыка на это сказалъ мнѣ вотъ что: «тутъ есть маленькая несообразность; ректоръ академіи можетъ васъ по службѣ; но это сдѣлано потому, что въ семинаріи скорѣе можно сдѣлать перемѣну въ ректорѣ, чѣмъ въ академіи.»

О проповѣди не было помину, но самое перемѣщеніе говорило уже въ пользу ея.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ Аѳанасій началъ чувствовать нѣкоторый ломъ и слабую глухоту въ правомъ ухѣ. Вслѣдствіе этого былъ нарывъ въ ухѣ,—былъ да и прошолъ было благополучно; но около Пасхи сдѣлался новый нарывъ, который не только не давалъ ему дѣлать дѣло, но и спать. А владыка, митрополитъ С.-петербургскій Серафимъ, приказалъ ему готовить на Пасху проповѣдь вмѣсто о. Макарія. «Ума—разума нѣтъ, какъ съ ней справиться,—писалъ Аѳанасій къ другу своему, протоіерею Воинову. По причинѣ боли въ ухѣ ночи три уже не спалъ. Впрочемъ боль особенно несносна ночью; днемъ довольно еще сносна. Помогись о мнѣ многогрѣшномъ, друже мой пріискренний, и брате прелюбезный;—помогись, чтобы мнѣ исцѣлѣть и тѣлесно и душевно». Въ праздникъ свѣтлаго Воскресенія послѣ вечерни нарывъ прорвался. Это было 3-го апрѣля. А между тѣмъ за нѣсколько дней предъ Пасхою, 31-го марта въ ве-

ликій четвертокъ вскорѣ послѣ обѣдни Государь Императоръ Николай Павловичъ удостоилъ духовную академію своимъ посѣщеніемъ въ сопровожденіи оберъ-прокурора Св. Синода графа Протасова. «Изволилъ быть въ церкви,—писалъ АѦанасій,— почти во всѣхъ жилыхъ студенческихъ покояхъ и въ столовой; одобрилъ одежду студентовъ, какъ приличную духовному званію, и спрашивалъ, куда болѣе поступаютъ студенты изъ академіи, въ духовное званіе, или свѣтское; и когда сказано было, что въ духовное, то изволилъ изъявить желаніе, чтобъ какъ можно болѣе поступали въ духовное. Еще спрашивалъ, есть ли изъ академіи теплый ходъ въ семинарію; отвѣтствовано, что нѣтъ. Въ академіи особенно понравилась Государю церковь. При отбытіи Его Величество изъявилъ свое удовольствіе графу и о. ректору академіи. Вообще государь былъ весьма благодушенъ и съ улыбкою». — «О посѣщеніи Императоромъ академіи я и не зналъ,—писалъ далѣе АѦанасій, пока не пришелъ послѣ того вскорѣ и не пересказалъ о. ректоръ академіи, ибо я былъ очень боленъ тогда ухомъ, и нигде не выходилъ. А ужъ дойдетъ же видно чреда и до семинаріи. Графъ Протасовъ, въ бытность мою у него по случаю перемѣщенія моего въ С.-петербургскую семинарію, премножество изъявилъ мнѣ желаній сдѣлать семинарію образцовою, и велѣлъ подать ему записку, что нужно для этого сдѣлать, даже съ профессорами. Боже мой! Какое бурное время! Молитесь Господу Іисусу, укротившему вѣтры на морѣ. Молитесь, чтобъ и мнѣ по грѣхамъ моимъ не потерпѣть кораблекрушенія! Впрочемъ да будетъ во всемъ святая воля Божія, а не моя!»

Вопреки опасенію АѦанасія Государь Императоръ не былъ при немъ въ семинаріи; но послѣ посѣщенія имъ академіи, разныя лица, принадлежавшія къ духовно-учебному управленію начали налетать на академію и на семинарію. 24 апрѣ-

ля въ духовной академіи послѣ обѣдни все осматривалъ, не-исключая и бани, г. Карасевскій, правитель дѣлъ комиссіи духовныхъ училищъ, и сказалъ, что онъ донесетъ графу Протасову, что все нашелъ въ отличномъ порядкѣ. «Быть скоро какому-нибудь осмотру и въ семинаріи, — писалъ Аванасій другу своему въ Тверь; — а есть что посмотреть! Соружу-то, дряви-то и глазами не окинешь! Попалъ же я въ мѣстечко. По дѣломъ!.. Большею частію видишь расчетъ, лицемеріе, притворство, лесть. Также со мною разсуждаетъ и чувствуетъ и о. ректоръ академіи, съ которымъ съ перваго раза Богъ положилъ намъ по сердцу, какъ нельзя лучше, такъ что онъ скучаетъ, когда я нѣсколько дней не бываю у него, и весьма жалѣетъ, что ему неудобно до сего времени было ходить ко мнѣ.»

Въ такое-то время началась дѣятельность Аванасія въ С.-Петербургѣ; къ тому же предстояла постройка новой семинаріи. Съ необыкновенною энергіею Аванасій началъ трудиться самъ и возбуждать къ труду другихъ, особенно семинаристовъ. Вотъ какъ онъ описываетъ одно свое санктпетербургское утро, — именно утро 3-го мая.

«Вставъ поутру въ 5¼ часовъ, пошелъ я по комнатамъ, въ коихъ живутъ ученики семинаріи и училищъ. Въ комнатахъ нашелъ уже не много спящихъ; нашелъ вставшихъ даже и тѣхъ учениковъ семинаріи и училищъ, которые накануне за проспаніе лишены были мною обѣда. Нашелъ, что нѣкоторые изъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи занимаются изученіемъ первыхъ двухъ формъ еврейскихъ глаголовъ, которыя за нѣсколько предъ тѣмъ дней во второй разъ назначено было мною изучить къ 3-му мая, потому что въ первый по старой привычкѣ изучили худо. Одного ученика заставлялъ спрягать, и какъ онъ спрягалъ нетвердо, то далъ мнѣ обѣщаніе повторить къ классу твердо. Въ двухъ комна-

тахъ училищныхъ всѣхъ учениковъ засталъ еще спящими. Въ первой сказалъ я: «вставайте ребята! что вы долго спите?» Всѣ вдругъ начали вставать. «Я пришелъ-было къ вамъ, — сказалъ я имъ, узнать, кто изъ васъ отлично знаетъ урокъ; но вижу, что еще никто изъ васъ не знаетъ такъ урока, потому что всѣ вы проспали.» — «Я знаю, я знаю, я знаю», — закричали ребята въ одинъ голосъ со многихъ кроватей. «Такъ вставайте же, — сказалъ я, скорѣе, чтобы мнѣ васъ успѣть переслужать и записать въ журналъ. Кричавшіе ребята начали, какъ воробьи, порхать и хватать кто чулки, кто сапоги, кто шейные платки, кто жилеты, кто шлафроки, кто что, чтобы поскорѣ одѣться и отвѣчать мнѣ. Но я сказалъ имъ: «нѣтъ, ребята, долго васъ ждать; мнѣ пора въ другія комнаты; сами же вы виноваты, что проспали, а не я; я пришелъ къ вамъ рано; я послушаю васъ въ другое время, напр. завтра, если опять не проспите; (не проспимъ, — кричатъ ребята); будьте готовы (будемъ, кричатъ ребята); я приду (пораньше приходите, кричатъ ребята). Сказалъ это я и ушелъ. Въ другой комнатѣ, въ которой всѣхъ засталъ спящими, тоже случилось, съ тѣмъ только различіемъ, что ученикамъ въ этой комнатѣ я сказалъ въ утѣшеніе ихъ, что зайду къ нимъ, побывавъ въ другихъ смежныхъ съ ними комнатахъ, что и исполнилъ. По выходѣ изъ этой комнаты увидѣлъ, что ревностнѣйшіе изъ первой комнаты, въ которой всѣхъ засталъ спящими, стоятъ на крыльцѣ, на которое я вышелъ, и съ книжками. Я спросилъ ихъ: «за чѣмъ вы здѣсь? Не хотите ли, чтобы я васъ прослушалъ?» — Хотимъ, прослушайте, отвѣчали они въ одинъ голосъ. Я воротился съ ними въ комнату, всѣхъ переспросилъ, и всѣхъ велѣлъ записать въ журналъ, кого хорошо, а кого и очень хорошо. Далѣе въ одной комнатѣ обступило меня человѣкъ двадцать, объявивъ, на мой вызовъ,

что всё они знаютъ урокъ отлично. Я переспросилъ человѣкъ пять-шесть ревностѣйшихъ, а прочихъ оставилъ безъ спроса, отозвавшись недостаткомъ времени. Вообще во всѣхъ комнатахъ дѣти такъ и лезутъ ко мнѣ, чтобы я спросилъ ихъ, — лезутъ, кто съ греческимъ, кто съ географіей, кто съ исторіей, кто съ уставомъ, кто съ чѣмъ. А сперва ошало не вызовешь когонибудь къ отвѣту. Слава Богу! Все начинается идти иначе и быстрѣе, чѣмъ прежде. Хорошо отвѣтившихъ всѣхъ вообще велѣлъ я отмѣтить въ журналѣ, а рано вставшимъ всѣмъ вообще сказалъ «спасибо», нѣкоторыхъ же особенно въ этомъ замѣченныхъ, не исключая и семинаристовъ, погладилъ и по головкѣ. Возвратившись въ концѣ 8 часа домой, напившись чаю, и прочитавъ нѣсколько ученическихъ сочиненій, въ половинѣ 9-го часа я пошелъ въ классъ чтенія св. писанія, гдѣ спрашивалъ, говорилъ самъ, и заставлялъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи повторять мною говоренное. Въ классѣ вспомнилъ, что мнѣ надобно идти еще къ митрополиту съ представленіемъ и для спрошенія, бѣхатъ ли мнѣ въ 10 часовъ на экзаменъ въ институтъ путей сообщеній. Увидѣвъ, что остается 10-го часа не болѣе четверти, поспѣшилъ вонъ изъ класса, сказавъ профессору, чтобъ послѣ класса пришелъ ко мнѣ. «А какъ ты могъ увидѣть, что остается 10-го часа не болѣе четверти, не имѣя часовъ?» — Нѣтъ, любезнѣйшій, въ С.-Петербургѣ я уже имѣю часы; они здѣсь нужны. Видите, 'какая переменна произошла со мною! Да и какихъ переменъ не произошло со мною! Даже лобъ у меня сдѣлался еще открытѣе и казистѣе, чѣмъ въ Твери... Периодѣлся и тотчасъ отправился ко владыкѣ. Владыкѣ доложили о мнѣ, и мнѣ велѣно идти къ нему въ гостиную. Пришелъ. Владыка лежитъ на софѣ, а предъ нимъ на столѣ довольно толстое какое-то дѣло. Владыка всталъ, благословилъ и спросилъ: «что скажете?» Я сказалъ, что принесъ представленіе съ

приложеніемъ проекта предложенія отъ имени ЕгоВысокопреосвященства комиссіи духовныхъ училищъ. Владыка спросилъ: «о чемъ?» Я отвѣтилъ, что слѣдовало. Потомъ владыка спросилъ меня: что, болѣзнь ваша прошла ли?—Кажется, что прошла, отвѣчалъ я. «То-то, —присовокупилъ владыка, а то вотъ (кивнувъ головою туда, гдѣ живетъ Ааронъ, лаврскій эконокъ, его лечившій и вылечившій) здѣсь можно посовѣтоваться. Я поклонившись на это сказалъ: что 1-го мая пріѣзжалъ ко мнѣ изъ института путей сообщенія полковникъ съ приглашеніемъ на экзаменъ сего дня въ 10-ть часовъ утра; что я отказывался невозможностію быть въ 10-ть часовъ на экзаменѣ, потому что 10-й и 11-й часы самъ долженъ быть въ классѣ; но что полковникъ, вѣроятно, для усиленія своего приглашенія, просилъ даже отъ графа Толя и требовалъ, чтобы я рѣшительно далъ обѣщаніе быть на экзаменѣ, хотя въ 1-мъ часу по полудни, дабы ему такъ донести и графу, и что отъ этого я не могъ рѣшительно отказаться. «Такъ что-жь?» спросилъ владыка. — «Что мнѣ прикажете дѣлать — спросилъ я; ѣхать ли мнѣ на экзаменъ отъ своего класса, или не ѣхать?» Владыка спросилъ: «да будетъ ли кто тамъ изъ духовныхъ?» — Это я не знаю, высокопреосвященнѣйшій владыко, отвѣчалъ я; а знаю только, что череднаго архимандрита тамъ не будетъ, потому что онъ готовился служить; да и преосвященный викарный куда-то ѣдетъ-же, только не на экзаменъ. «Да! у нихъ, сказалъ владыка, сего дня вынось, присовокупивъ и тѣмъ кончивъ рѣчь: «Э! поѣзжайте!»—Воротившись домой, я объявилъ профессору, чтобы онъ сходилъ за меня въ классъ, а служителю сказалъ, чтобы готова была карета. Служитель пошелъ, но тотчасъ воротился съ извѣстіемъ, что одной лошади нѣтъ, и что на ней уѣхалъ эконокъ въ городъ. Я послалъ служителя къ лаврскимъ властямъ, чтобы дали мнѣ лошадей съ экипажемъ ѣхать на эк-

заменя. Служитель не выходя изъ комнаты воротился съ повѣсткою изъ канцеляріи временнаго присутствія при с.-петербургской духовной консисторіи для рѣшенія старыхъ дѣлъ; въ повѣсткѣ канцелярія съ утвержденія митрополичья покорнѣйше просить о. ректора академіи и меня пожаловать въ 10-ть часовъ 3-го мая въ присутствіе. На повѣсткѣ въ слышаніи подписался уже о. ректоръ академіи. Я призадумался, что мнѣ дѣлать, удержалъ повѣстку и снова послалъ служителя въ Лавру за лошадьми и экипажемъ. Служитель воротившись сказалъ, что, нѣтъ ни лошадей ни экипажей, потому что всѣ лошади и экипажи въ разѣздѣ. Что дѣлать? Послалъ къ о. ректору академіи просить лошадей съ экипажемъ. А время все шло да шло. Служитель воротившись сказалъ, что о. ректоръ самъ ко мнѣ будетъ сію минуту, а объ экипажѣ ни слова. Не видя о. ректора, я снова послалъ служителя справиться, готовъ ли будетъ экипажъ. Служитель возвратившись сказалъ, что сейчасъ будетъ готовъ. Получивъ такое извѣстіе, я тотчасъ рѣшился написать на повѣсткѣ слѣдующее: «еще прежде полученія сей повѣстки, будучи командированъ его высокопреосвященствомъ для присутствованія при испытаніи въ институтѣ путей сообщенія, не могу быть во временномъ присутствіи при с.-петербургской духовной консисторіи». Подождавъ не много, я снова послалъ служителя узнать объ экипажѣ. Служитель возвратившись донесъ, что экипажъ совсѣмъ готовъ. Я тотчасъ отправился къ экипажу; но увидѣвъ на дворѣ, что семинарская лошадь возвратилась уже, я велѣлъ, какъ можно скорѣе приготовить свой экипажъ, а въ академію послалъ объ этомъ увѣдомить. Между тѣмъ подходит консисторскій приставъ съ двумя бумагами для подписи. «Некогда мнѣ, сказалъ я ему, — ты видишь, что я ѣду». — «Да о. ректоръ академіи подписалъ, — сказалъ служитель, а тоже совсѣмъ было куда-то собрался». Я взглянулъ на бумаги, бѣгло

прочелъ, и махъ въ комнату семинарскаго эконома для подписа... Почти уже въ 11 часовъ побѣхалъ я въ институтъ, и чрезъ полчаса слишкомъ пріѣхалъ; и отъ стоящихъ у параднаго крыльца для пріема офицеровъ услышалъ, что экзаменъ въ законѣ Божіемъ, должно быть, уже окончился. Что дѣлать? Я хотѣлъ воротиться; но офицеры приглашаютъ. Я изъявилъ желаніе достовѣрно узнать, точно ли кончился экзаменъ въ законѣ Божіемъ, и упомянулъ, что и г. полковнику, привозившему ко мнѣ приглашеніе и усиленно звавшему на экзаменъ, я объявлялъ, что по моимъ обстоятельствамъ, я никакъ не могу быть на экзаменѣ раньше половины 1-го часа. Вслѣдствіе этого одинъ изъ офицеровъ вызвался вызвать г. полковника; я согласился, и онъ тотчасъ побѣжалъ и вызвалъ. Г. полковникъ сильно звалъ на экзаменъ, хотя на 10 минутъ, говоря, что теперь идетъ экзаменъ въ словесности. Но я рѣшительно отказался, говоря, что мнѣ совѣстно такъ поздно войти въ залу, наполненную множествомъ знатныхъ, каковы графы, князья и т. п., и произвестъ хотя малѣйшее движеніе, тѣмъ паче, что по окончаніи испытанія въ законѣ Божіемъ, мнѣ и не для чего быть на экзаменѣ; и вслѣдствіе этого побѣхалъ назадъ домой. «Вотъ прекрасно! — думалъ я. Опустилъ классъ, отказался отъ консисторіи, чтобъ быть на экзаменѣ; а между тѣмъ и на экзаменѣ-то не былъ. Что дѣлать? Надобно поправиться». И рѣшился заѣхать въ Консисторію. Времени было около четверти перваго. Подѣхавъ къ консисторіи, узналъ, что присутствіе еще не кончилось. Вхожу въ присутствіе, и тамъ нахожу о. ректора академіи и двухъ присутствующихъ протоіереевъ, обихъ престѣдхъ-сѣдхъ, — старичка Добронравина и первокурснаго Маленина. Едва успѣлъ я сѣсть, какъ о. ректоръ говоритъ мнѣ: «поздравляю васъ». «Съ чѣмъ?» спросилъ я, думая, что съ прикомандированіемъ ко временному присутствію. «Сего

дня, продолжалъ о. ректоръ пришло изъ комиссіи духовныхъ училищъ предписаніе объ опредѣленіи васъ членомъ академической конференціи». — «А сколько я просилъ васъ, говорилъ я ему, чтобы вы погодили дѣлать о мнѣ представленіе впредь до усмотрѣнія; а вы-таки все свое дѣлаете». — «Да мы, прибавилъ онъ, сегодня же приготовили еще представленіе (только еще не подписали) объ опредѣленіи васъ членомъ цензурнаго комитета; а послѣ представимъ и еще въ члены внѣшняго академическаго правленія». Затѣмъ спросилъ я, для чего меня призвали и по какому праву? Секретарь подалъ мнѣ представленіе временнаго присутствія его высокопреосвященству митрополиту, въ которомъ испрашивается у митрополита между прочимъ дозволеніе для слушанія и рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ приглашать чрезъ канцелярію отцевъ архимандритовъ ректоровъ академіи и семинаріи. Потомъ секретарь показалъ дѣло генераль-лейтенанта Купріянова о разводѣ его съ своей супругою, частяхъ въ трехъ и листовъ въ тысячу; по крайней мѣрѣ оно показалось мнѣ не мѣнѣе. Спусти около получаса послѣ моего входа въ присутствіе вошелъ въ оное и еще членъ, о. протоіерей Маловъ. Начали слушать экстрактъ, и слушали съ разстановками для разсужденій почти до шестаго часа; а по выслушаніи тотчасъ рѣшили. Во время слушанія входилъ въ присутствіе генераль Купріяновъ и объяснивъ, что онъ уволенъ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ на 28 дней, просилъ о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла. Надобно замѣтить, что за медленность по этому дѣлу, по Высочайшему повелѣнію, секретарь уже отрѣшенъ, а присутствующимъ всѣмъ до одного сдѣланъ строжайшій выговоръ. Послѣ обѣда зашелъ мимоходомъ въ три ученическія комнаты, и, что весьма замѣчательно, нашелъ учениковъ занимающихся повтореніемъ формъ Піелъ и Пюаль. По возвращеніи домой отъ о. ректора академіи въ концѣ 10-го часа, я

сходилъ къ профессору еврейскаго языка узнать, хорошо-ли ученики повторяли безъ меня Пакадъ и Нифальъ. Профессоръ сказалъ, что хорошо; но что онъ спросилъ только двоихъ въ ожиданіи меня въ классъ для спросовъ. Это хорошо, сказалъ я, что повторяли хорошо, а это худо, что вы спросили только двоихъ. Вамъ надлежало спросить по крайней мѣрѣ челоуѣкъ 20, или 15, чтобы поддержать пробуждающееся прилежаніе къ еврейскому языку; что же касается до меня, то я могъ и вновь переспросить вами спрошенныхъ; за тѣмъ ушелъ я отъ него въ томъ же духѣ любви, въ какомъ и приходилъ. И часу въ 12 легъ спать».

Вскорѣ Аѳанасія опредѣлили въ члены строительнаго комитета по семинаріи.

«Вамъ, по любви вашей ко мнѣ, вѣрно любопытно знать, какое до сихъ поръ имѣлъ я вліяніе на учениковъ, писалъ Аѳанасій къ другу своему въ Тверь. А вотъ какое: встаютъ раньше, чѣмъ прежде; классы полнѣе, чѣмъ прежде; отвѣчаютъ тверже, чѣмъ прежде. Двухъ богослововъ такъ крѣпко зацѣпилъ я по сочиненіямъ, что кажется не стали бы противиться, если бы я вздумалъ расправиться съ ними и *по домашнему*. Глядя на нихъ и прочіе позадумались. Одинъ изъ учениковъ говорилъ въ городѣ: «этотъ о. ректоръ, кажется, хочетъ взять насъ въ руки и кажется порядочно забираетъ». Нѣкто ему сказалъ на это: «что-жъ? Не лучше-ли вамъ добровольно сдаться?»—«Да мы и самі такъ думаемъ», отвѣчалъ ученикъ. Ученики училищъ моими частыми посѣщеніями ихъ и слушаніемъ ихъ уроковъ и повтореній въ ихъ комнатахъ, тоже, кажется, весьма довольны. Одинъ съ восхищеніемъ рассказывалъ своимъ почтеннымъ родителямъ, какъ я его спрашивалъ, какъ хвалилъ, и какъ велѣлъ записать въ училищный журналъ. Короче сказать вамъ: я имѣю какое-то внутреннее и непоколебимое убѣжденіе, что все пойдетъ хо-

рошо, потому что дѣйствую по совѣсти и въ духѣ любви христіанской, и всѣ послѣдствія своихъ дѣйствій вмѣстѣ съ собою предаю прелюбной волѣ Божіей».

Въ маѣ-же мѣсяцѣ 1838 г., Афанасію нужно было являться и къ первосвятителю московскому, и графу Протасову, и къ другимъ членамъ св. Синода съ благодарностію за то, что къ празднику Пасхи наградили его короною на орденъ св. Анны.

«4-го мая я поѣхалъ часовъ въ 12 къ кіевскому владыкѣ. У Исакиевского моста просидѣлъ вмѣстѣ съ другими болѣе получаса, пока его наводили, и нашелъ тутъ о. ректора академіи ѣдущаго къ кіевскому же владыкѣ. Отъ кіевского владыки заѣзжалъ уже часу въ 4-мъ къ владыкѣ московскому. Докладчикъ сказалъ, что владыка нездоровъ. Я однако велѣлъ доложить. Докладчикъ сходилъ, и сказалъ, что владыка заперся, и онъ не смѣетъ его тревожить. Отъ владыки московскаго заѣхалъ къ графу г. оберъ-прокурору св. Синода. Пробылъ у графа около получаса; графъ между прочимъ сказалъ, что онъ на сихъ дняхъ пріѣдетъ къ намъ въ семинарію. На эти слова я, привставши, сдѣлалъ графу легкій поклонъ. Графъ не давъ мнѣ ничего вымолвить, сказалъ: «что вы, благодарите? Тамъ посмотримъ, что будетъ». — «Я и не благодарю еще, сказалъ я, а прошу васъ быть къ намъ снисходительными». — «Что это значитъ?» спросилъ графъ. — «То, отвѣчалъ я, чтобы вы не говорили намъ публично при ученикахъ слишкомъ жесткихъ словъ». — «Почему?» спросилъ графъ. — «Потому, отвѣчалъ я, что такія слова могутъ привести насъ въ смущеніе; и мы вмѣсто надлежащаго отвѣта дадимъ вамъ отвѣтъ бессмысленный, и притомъ еще потеряемъ довѣріе учениковъ; а безъ довѣрія учениковъ не можемъ имѣть полезнато вліянія на нихъ». — «Да это нужно, сказалъ графъ, для учениковъ; они, видя, что съ васъ требуютъ, будутъ исправны». — «Не нужно, отвѣчалъ я; ученики и безъ

того видятъ, что очень съ насъ взыскиваютъ всѣ... Думаю, надѣюсь и какъ-то увѣренъ, что графъ будетъ хорошъ и къ нашей семинаріи. Впрочемъ да будетъ во всемъ благая, премудрая и святая воля Божія. Что будетъ, напишу вамъ хоть коротенько, — на четверточкѣ; а вы знайте про себя».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ графъ Протасовъ, побывъ недолго на экзаменѣ въ академіи, зашелъ и въ семинарію, тогда какъ АѦанасій оставался еще въ академіи на экзаменѣ. Впрочемъ АѦанасій вскорѣ пришелъ и нашелъ оберъ-прокурора въ философскомъ классѣ; онъ слушалъ учениковъ и разсматривалъ философскую какую-то тетрадь. «Я поклонившись всталъ на свое мѣсто, писалъ АѦанасій къ другу своему въ Тверь, чтобы вслушаться, въ чемъ дѣло. Г. оберъ-прокуроръ сказалъ мнѣ: «здравствуйте о. ректоръ. Благословите меня». Я благословилъ, и онъ продолжалъ мнѣ говорить, что ученики не понимаютъ, что читаютъ. Я спросилъ: «изъ чего это видно, ваше сіятельство?» — «Изъ того, что читаютъ такъ, какъ написано.» — «Это, возразилъ я, еще ничего не доказываетъ; чтобы узнать, подлинно ли они не понимаютъ, надобно ввести ихъ въ разговоръ и въ споръ; тогда виднѣе будетъ». Я началъ было заводить споръ; но онъ велѣлъ мнѣ спрашивать ихъ изъ катихизиса. Впрочемъ скоро онъ и это прекратилъ, сказавъ, что я за нихъ говорю. Въ богословіи вопросы касались тоже катихизиса и сверхъ того часовъ, читаемыхъ предъ литургіею и т. п. Въ словесности спрашиваны ученики изъ исторіи. Послѣ этого экзамена г. оберъ-прокуроръ замѣтилъ мнѣ, что ученики мало знаютъ *церковности* и что это есть общій недостатокъ семинаристовъ. Вотъ и весь нашъ экзаменъ при г. оберъ-прокурорѣ. Послѣ того были въ комнатахъ и въ столовой. Въ сей послѣдней г. оберъ-прокуроръ остался недоволенъ экономомъ собственно за ботвинье, въ которомъ мало показалось ему рыбы; что касает-

ся до комнатъ, то сказалъ, что онъ боится, если государь посѣтитъ ихъ. А я на это сказалъ ему, что для поправки ихъ нуженъ не одинъ десятокъ тысячъ, но что такой расходъ на нихъ дѣлать теперь комиссіи духовныхъ училищъ вовсе неблаговременно, когда началась уже строиться семинарія. Все посѣщеніе кончилось тѣмъ, что онъ приказалъ мнѣ строже присматривать за экономомъ». Такъ писалъ Аѳанасій въ Тверь, откуда дошли до него слухи чрезъ Алексѣя Петровича, что графъ Протасовъ остался чрезвычайно недоволенъ экзаменомъ въ семинаріи.

Митрополитъ с.-петербургскій питалъ доброе расположеніе къ Аѳанасію. «Владыка, — писалъ Аѳанасій въ Тверь въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1838 года, — въ послужномъ моемъ спискѣ при мнѣ же, 15-го сентября, отмѣтилъ меня такъ: «поведенія честнаго, въ должности *очень* исправенъ и благонадеженъ», какъ никого не отмѣтилъ не только изъ служащихъ при семинаріи и изъ подвѣдомственныхъ семинаріи ректоровъ, въ числѣ коихъ и о. Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, но, какъ слышалъ я отъ достовѣрнаго человѣка, никого и изъ служащихъ при академіи. Владыка, — сказать въ добрый часъ, очень ко мнѣ расположенъ. При прежнихъ ректорахъ, слышалъ я, семинарскія бумаги доходили ко владыкѣ и отъ владыки въ семинарское правленіе чрезъ руки Ал. Ив. Суслова ^(а); но при мнѣ ни одной такой бумаги еще не было. Я принесу бумагу, я же и унесу въ тоже самое время, вовсе не заходя къ Ал. Ивановичу. И владыка ни въ чемъ еще со мной не спорилъ, а все утверждалъ безпрекословно».

Въ свободное отъ семинарскихъ занятій время Аѳанасію приходилось много заниматься дѣлами по постройкѣ семинаріи и по другимъ порученіямъ. «3-го, 4-го и 5-го генваря (1839 г.) просидѣлъ за дѣлами комитета по постройкѣ се-

(а) Письмоводитель при митрополитѣ.

минаріи, — писалъ онъ въ Тверь. Что сказать еще о ученіи объ отцахъ церкви, которое досталось на мою долю? Какъ это дѣло трудно, можетъ знать только тотъ, кто знаетъ сколько нибудь ихъ ученіе и то, сколь много ими написано. Хоть лопни отъ заботъ.»

22-го января 1839 года АѦанасію удалось быть у митрополита московскаго. «Принять былъ вообще ласково, — писалъ АѦанасій въ Тверь, и былъ спрашиваемъ, пишутъ ли ко мнѣ изъ Твери, и нѣтъ ли тамъ какихъ слуховъ. Я отвѣчалъ: пишутъ по старому знакомству и по прежней пріязни, а слуховъ не передаютъ никакихъ. Тѣмъ владыка и удовольствовался. При прощаніи владыка сказалъ мнѣ тоже, что и прежде говорилъ: «ѣздите ко мнѣ по вечерамъ, когда будетъ досужно, поговорить кое о чемъ. Мнѣ пріятно будетъ». Я молча поклонился ему и ушолъ, думая про себя: «знаю, что пріятно будетъ; потому что я говорилъ то и такъ, что и какъ едвали другіе рѣшатся говорить. Пословица говоритъ: правда глаза колетъ. Но и то правда, что когда мы долго ни отъ кого не слышимъ правды, то рады ей какъ отцу, какъ матери, какъ брату, какъ сестрѣ». Въ чемъ состояла эта правда, это осталось тайною.

АѦанасію не нравилось между прочимъ то, что въ с.-петербургской семинаріи часто смѣняють профессоровъ, и иногда назначаютъ туда такихъ людей, которые недостойны и неблагонадежны, а между тѣмъ умѣютъ забѣгать или къ г. оберъ-прокурору, или къ кому нибудь изъ вліятельныхъ лицъ. Таковъ былъ нѣкто кандидатъ Тр—ій; онъ втирался въ с.-петербургскую семинарію; но АѦанасій его *оттеръ*. Онъ сталъ проситься въ Ямбургъ смотрителемъ духовныхъ училищъ. Отстраняя его отъ с.-петербургской семинаріи, АѦанасій между прочимъ выражался такъ въ письмѣ къ другу своему: «петербургская семинарія и училища похожи на са-

докъ, въ который сажаютъ рыбу только до перваго стола. Ну, право, скучно, то и дѣло что встрѣчай и провожай профессоровъ и учителей. Съ этими новичками, — продолжалъ Аванасій, пришлецами и переселенцами будьте осторожны. Они часто бываютъ большіе болтушки; обо всемъ обыкновенно судятъ и рядятъ, и обыкновенно часто безъ толку. Таковъ у насъ изъ двухъ переселившихся недавно, имянно въ сентябрѣ (1838 г.), изъ рязанской семинаріи; я такъ, кажется, порядкомъ проучилъ его; теперь кажется сталъ по-смирнѣе и поскромнѣе; а то бывало несетъ такую дичь, что и слушать нечего.»

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1839 года за Т—го стали усиленно просить Аванасія, даже отъ имени самого оберъ-прокурора. Вотъ какъ Аванасій принялъ эти просьбы.

«Является ко мнѣ чиновникъ комиссіи духовныхъ училищъ и объявляетъ, что правитель дѣлъ комиссіи духовныхъ училищъ, Алек. Ив. Карасевскій, покорнѣйше проситъ меня объ опредѣленіи въ Ямбургъ смотрителемъ кандидата Т—го, приприсовокупляя, что это желательно и его сіятельству графу Протасову. «Кланяйтесь, сказалъ я, Александру Ивановичу, и жите ему, что не отъ меня зависитъ опредѣлить смотрителемъ Т—го, а отъ самой комиссіи.» — «Да вы, — говоритъ чиновникъ, представьте его» — Не можемъ, сказалъ я, потому что не имѣемъ ни права, такъ какъ онъ не въ нашемъ вѣдомствѣ, ни нужды, такъ какъ есть въ виду достойнѣйшій и благонадежнѣйшій. — За симъ спустя немного дней приходитъ самъ г. Карасевскій, и говоритъ, что графу желательно, чтобъ Т—ій опредѣленъ былъ смотрителемъ. «Если это желательно графу, отвѣчалъ я, — то всего легче это сдѣлать его сіятельству.» — Какъ? — спрашивалъ г. Карасевскій. — Пусть Т—ій, — сказалъ я, подастъ прошеніе въ комиссію духовныхъ училищъ, и пусть комиссія предпи-

шетъ опредѣлить его. Въ такомъ случаѣ мы по неволѣ опредѣлимъ его. — «Впрочемъ графъ приказалъ спросить васъ, присовокупилъ Карасевскій, какъ вы думаете о Т—мъ, надеженъ ли онъ?» — Если угодно его сіятельству, сказалъ я, знать мое мнѣніе о Т—мъ, то скажите его сіятельству, что я не желаю Т—го, потому что, по моимъ замѣчаніямъ, въ немъ нѣтъ нужной въ начальникѣ степенности и основательности; притомъ онъ еще очень для смотрительства молодъ и неопытенъ; да къ тому же и невзраченъ; а притомъ еще, по моему мнѣнію, и несправедливо предпочесть его хотя и товарищу его, но магистру и профессору. — «И графъ также думаетъ,» сказалъ Карасевскій. — Почему же его сіятельство, спросилъ я, принимаетъ въ немъ такое участіе? — «Потому, отвѣчалъ г. Карасевскій, что считаетъ его обиженнымъ отъ митрополита отказомъ въ священническомъ мѣстѣ.» — А если предпочесть его—кандидата, нигдѣ еще не служившаго, магистру и профессору, то развѣ не сдѣлано будетъ обиды сему послѣднему? возразилъ я. — «Правда, сказалъ г. Карасевскій, и присовокупилъ: я такъ и скажу графу.» — Такъ и скажите, сказалъ я, и прошу ничего ни прибавлять, ни убавлять. — Тѣмъ это дѣло и кончилось. Магистръ профессоръ Казанскій теперь въ Ямбургѣ; а Т—го пихнули въ Тверь, чтобъ и вы на него поглядѣли. — Въ январь (1840) вновь началось дѣло о Т—мъ, онъ просился въ учителя Александро-Невскаго училища. Графъ предложилъ наконецъ академическому правленію перемѣстить его изъ тверской семинаріи во 2-й классъ Александро-Невскаго приходскаго училища. «А меня Богъ спасъ отъ графскаго гнѣва», писалъ АѦанасій.

15-го сентября 1841 года, АѦанасій, уже епископъ Томскій и Енисейскій, выѣхалъ изъ с.-петербурга.

Протоіерей В. Владиславцевъ.